

13 ноября 1981 г. № 91 (5515)

РУКА МАСТЕРА

В этом старом доме на Комсомольском проспекте мне довелось стать единственным зрителем удивительной выставки. Удивительной потому, что за каких-нибудь два часа она приоткрыла тот мир, где страдает мятежный Спартак и в пламени любви сгорает хрупкая Джульетта, где покоряет сердца пленительная Манон Леско и торжествует гордая Татьяна Ларина, где познают жизнь и себя в ней Адам и Ева и погибает, гонимый злым роком, Герман... Прикосновение к этому миру позволило мне стать, может быть, чуточку ближе к ответу на вопрос, в чем же всепокоряющая сила тех людей, которые воссоздают эти бессмертные образы на сцене, в чем разгадка великой тайны искусства. И понять, почувствовать это мне помог художник Георгий Тоидзе.

Прошло около пяти лет с тех пор, как он впервые вошел в Большой театр Союза ССР. Нет, конечно, Тоидзе бывал здесь и раньше, но теперь он вошел сюда не с парадного, а со служебного входа. Театр готовился отпраздновать свой двухсотлетний юбилей, и художник захотел по-своему отметить этот праздник: создать портреты тех, кто составляет славу Большого.

К этому, может быть, одному из главных дел своей жизни он шел непростым путем. Сын народного художника СССР, академика Мосе Тоидзе, Георгий перенял от отца немало качеств, делающих простого рисовальщика истинным художником. Шлифовал он эти качества всю жизнь: и в годы войны, которую прошел армей-

ским художником, и в Академии художеств Грузинской ССР, которую окончил как скульптор, и позже, во время своих многочисленных поездок по стране. Автор многих известных скульптурных работ, он не оставлял и своего второго призвания—графику. И, наверное, от скульптуры пришла в нее замечательная пластичность рисунков.

Срок шесть портретов, запечатлевших в образах своих героев Архипову и Гордеева, Милашкину и Руденко, Семьянку и Бессмертнову... Он писал их в небольшой комнатке, отведенной ему в театре, зачастую оставаясь в ней до глубокой ночи. Нет, пожалуй, более занятых людей, чем артисты оперы и балета Большого. Но они выкраивали время и после спектаклей, после утомительных релетиций приходили в эту комнатку, чтобы дать возможность художнику быстрыми взмахами угля нанести на ватман рисунок-образ. Так в удивительном содружестве и взаимопонимании представителей разных видов искусств родились эти портреты—серия, подобной которой не было в истории театра.

Закончив эту огромную и очень напряженную работу, Тоидзе, казалось бы, имел полное право «пожинать лавры». Но не такой он человек. Немногие зрители в нашей стране видели эти портреты. Так получилось, что они экспонировались только один раз—в Праге, во время месячника чехословацко-советской дружбы.

Выставка прошла с большим успехом, а потом... Потом портреты приобрел музей Большого театра, а Тоидзе взялся за

новую, не менее сложную работу—серию портретов мастеров Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова. И вновь работа с утра до глубокой ночи, вновь точное проникновение в глубину образов, создаваемых артистами театра. Один за другим проходят они перед нами: Штоколов, Богачева, Филатова, Шевченко, Гуляев, Большакова— всего 36 портретов. Серия эта не закончена, сейчас Тоидзе завершает работу над портретами главного дирижера Ю. Темирянкова и композитора А. Петрова. Впрочем, у серий портретов мастеров Большого театра и Ленинградского оперы и балета будет свое продолжение. Как говорит сам художник, в этих труппах с каждым годом появляется все больше талантливых артистов, и создать их портреты он считает своим долгом.

Закончить эти заметки мне хотелось бы тем, с чего я их начал. Мне повезло: с помощью художника Георгия Тоидзе я смог открыть для себя прекрасный мир образов, созданных лучшими мастерами оперы и балета страны. Но справедливо ли это—быть единственным зрителем? Убежден: портреты, созданные мастером, должны увидеть многие. Ведь работы Тоидзе дарят понимание сложной и прекрасной лаборатории артистического творчества.

В. ЧЕРНОВ.

МОСКВА.

● *Портреты народной артистки РСФСР А. Сизовой и народного артиста СССР Е. Нестеренко.*

